

ПРОСТРАНСТВО СВЕТА

Выставка Алексея Венецианова в Третьяковке

"И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!"
Николай Некрасов

СФАМИЛИЕЙ ВЕНЕЦИАНОВ хорошо быть художником, и, видимо, предчувствуя появление гения в своём роду, греки Мухапуло-Проко сделались когда-то Венециановыми. Было это ещё в галантном восемнадцатом столетии, когда те самые Проко приехали в Россию из Венеции. Грек-венецианец обратился Венециановым, пустил корни. Его сыновья женились на русских и считались русскими.

Семья Венециановых была честной и зажиточной: торговали и луковцами тольпанов, и кустами смородины, и... картинами. Юный Алёша тоже готовился к "негодиям", как тогда называли бизнес, и параллельно с этим учился рисовать. Самостоятельно! Торговля не увлекала — пошёл на службу. В сознательном возрасте, будучи молодым чиновником, Венецианов нанял себе учителя, а потом пробился к Владимиру Боровиковскому.

Светлый романтик и певец крестьянской неповторимой красоты, Алексей Венецианов начертал особую страницу в истории искусств. Он поэтизировал тех, кого считали "тягловым сословием". Крепостного не воспринимали полноценным хомо сапиенс. Единичцы работ-часов. "Степан Пробка, Михеев-каретник и какой-то Пётр Савельев Неуважай-Корыто", — как списки в "Мёртвых душах". Помещику относились к своим "душам" по-разному: чаще — нормально, как к средству производства, которое лучше не портить.

Салтычиха была редкостью, оттого и дело оказалось громким, и провела кровавая барыня остаток века в страшнейшем заточении. Встречались князь-просветители и графы-театралы, создававшие крепостные трупы в духе Шереметьевых; случались добрые и крепкие владетели, почитывавшие аглицкую прессу по земледелию; попадались кутилы, расставившие подвластных девушек и проматывавшие в штосс" наследие предков. В общем, крестьянская жизнь зависела от жеста Фортуны — кому как повезёт с баринном. Бывало, что и в Италию от-правляли учиться, и вольную давали. Сам Венецианов, женившись на дворянке и получив её имение, учил талантливых мальчишек рисованию. Но обо всём по порядку!

В Государственной Третьяковской галерее (в Инженерном корпусе) проходит масштабная выставка Алексея Гавриловича Венецианова (1780–1847). Представлены почти все его работы, за исключением тех, что уехали в Германию на совместную экспозицию, посвящённую романтизму XIX века. Проект получил название "Пространство, свет и тишина" — даны ключевые точки венециановского стиля. Видеть свет — осязать пространство — слышать музыку тишины, чуть нарушаемую полётом шмеля в знойный день или слаженной песней козлов где-то очень далеко — не то за лесом, не то в Венечии.

Его автопортрет 1811 года не вполне характерен для эпохи. Тогда обязательно писался сложный фон:

мастерская, атрибуты, бюст императора, малиновая штора с кистями. Тут — ничего. Задник малопонятного, но интересного цвета — золотисто-коричневый, густой и вязкий. Впоследствии Александр Бенуа скажет: "К числу прекраснейших его произведений принадлежит его собственный портрет, написанный сочно и жирно, в приятных, густых серо-жёлтых и жёлто-чёрных тонах, никого из современников его не напоминающих". Такое чувство, что мастер вглядывается именно в зрителя и пишет... нас.

Мы привыкли к "хитам" из крестьянской серии, но Венецианов охотно писал портреты людей своего круга, а также родственников. Можно увидеть портреты его матери — Анны Лукиничны и жены — Марфы Азарьевой, но если первая вещь — сугобо парадная, созданная по канонам ушедшего Галантного века, то вторая — семейная, личная. Судьба Марфы Венециановой не была праздничной — муж больше любил "искусство в себе", а заодно "себя в искусстве". Ему уж за тридцать, а он всё занят студиями! Тому доказательство — копии с шедевров Эстебана Мурильо "Отдых на пути в Египет" и Луки Джордано "Оплакивание Христа", сделанные в начале 1810-х. Любопытная вариация на тему полотна Франсуа Гранэ "Внутренний вид хоров в церкви Капуцинского монастыря на площади Барберини в Риме" — копируя эту популярную картину, Венецианов учился подавать рассеянный свет. Это одна из самых трудных задач в интерьерной живописи!

В 1819 году чиновник попросил об отставке (напомним, что всё это время он исправно ходил на службу, а творил в свободные часы!) и Венециановы переехали в Сафоновку — женину имение. Тут наконец-то подлинно раскрылся талант этого зрелого, почти сорокалетнего человека. Искусствоведы считают картину "Гумно" переломным моментом в творчестве художника. Нашлась тема. Крестьянин — его душа, заботы, смыслы, грёзы. "Гумно" — фотографическая вещь. Мужики и бабы увиденны в процессе; их движения как бы "схвачены" и запечатлены в спешном порядке. Это не самая техничная работа, но тут есть живая динамика.

ЦЕНТРАЛЬНЫМ ЭКСПОНАТОМ является, конечно же, весенняя феерия "На пашне". Здесь всё — театрально. Пейзажная богиня будто бы исполняет балетный танец. Её фигура и жесты списаны с античных барельефов, а сидящий подальше ребёнок похож на купидона. Венецианов доказал: человек прекрасен вне зависимости от его происхождения и положения. Любая Матрёна — матрона. Некрасов не выдумывал, когда изрек: "Красавица, миру на диво. / Румяна, стройна, высока. / Во всякой одежде красива. / Ко всякой работе ловка". Венецианов передавал свет, исходящий от всех этих Матрён и Прасковий. Они тоже — пригожи. У них есть достоинство. Барышня может переодеться крестьянкой, а крестьянка — Персефойной, зовущей весну. Александр Бенуа высказался точно и непредвзято: "Несмотря на то, что фигуры занимают значительную часть во всех

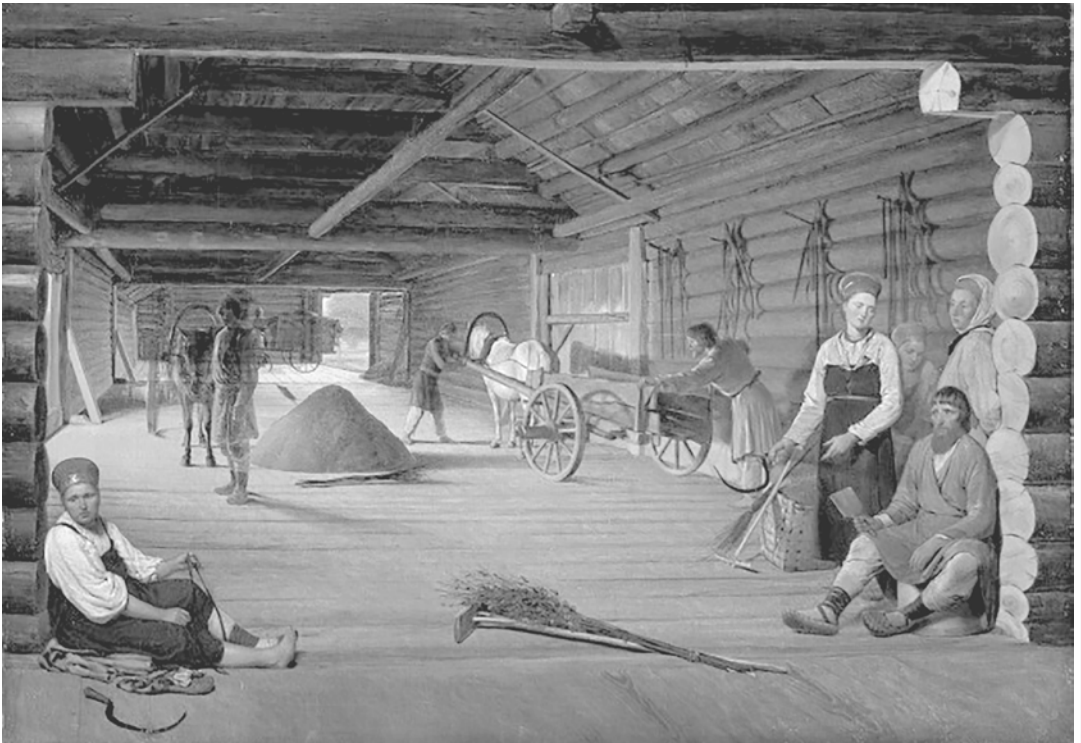
его картинах, несмотря на то, что часто они — или кукольные, или слащаво условны (это уже в угоду времени), общее впечатление от его произведений остается вполне жизненным, от них необойчайно веет теплотой и настроением".

Очаровательна "Крестьянка с бабочками" — девушка в аллой косынке, держащая серп, как дамы держат веер. Мотив бабочек Венецианов потом будет использовать не единожды и тому пример — хрестоматийные "Жнецы". И снова — остановившийся миг. Бабочки на долю секунды присели на руку. Взмах — и мельканье крыльев. Жара. Золото ржи. Горячее марево полдня. Всё тот же Бенуа вопрошал: "Кому в целой русской живописи удалось передать такое истинно летнее настроение?"

"Крестьянка с васильками", "Крестьянка с косой", "Жница", "Девушка с гармоникой", "Девушка в платке", "Тадающие девушки" — задумчивые, утонченные, свежие, дивные. О Венецианове распуслились грязные слухи — он, мол, завёл себе целый гарем, а "служеные муз" — так, ширма для "разврата грязного и мелкого тиранства", как сказал Некрасов, правда, по иному поводу. Ему гадко завидовали: венециановские работы нравились императору. Николай I даровал художнику звание придворного живописца, а две его картины — "Мальчик с лыками" и "Крестьянка с грибами" отослал своему тестю — прусскому королю Фридриху-Вильгельму III. Тевтонцев высоко оценил славянский дар — изображение крепостных из Тверской губернии висели в королевском кабинете дворца Бабельсберг.

Не все модели безмянны: так, известен персонаж с портрета "Захарка". Этаким некрасовский мужичок-с-ногогот! Это был сын пахаря Федота Степанова из деревни Сливнево. Барин взял мальчишка себе в дворовые. К слову, этого мальчишку легко заметить и на других полотнах. Тут Венецианов отходит от ампирно-ренессансной манеры и пишет всё, как есть — и пылливо-настороженные глаза, и вздёрнутый носик, и красивые от мороза щёки. Не забывает Венецианов и о друзьях. Так, эффектен и притом лаконичен портрет Марии Философовой, владелицы имения Богдановское Псковской губернии, где художник часто гостил. Отлично выписаны булки, именовавшиеся "взбитыми сливками", воздушный чепец, декольтированное платье из муара, меховое боа — Венецианов умел создавать репрезентативные портреты, но они его не увлекали.

Значительное место отведено школе, которую выпестовал мастер на свои — не такие уж великие — средства. Ему помогал Василий Жуковский — искренний друг просвещения. Бенуа восхищался этим починком: "Количество его учеников для того времени, когда художественные школы ещё не зарождались барышнями-любительницами и всяким вздорным элементом, было громадно — свыше 60 человек, и большую часть из них Венецианов содержал на свои средства, а для других из кожи выбивался в хлопотах о поощрении и воломоществовании, сам же кое-как при этом существовал частными уроками и доходом от своей деревушки".

Картина А. Венецианова «Гумно», 1822 г.

Особого внимания заслуживают сельские виды Григория Сороки — крепостного крестьянина, имевшего тонкую душу и столь изысканную внешность, что все его принимали за барчука. Доля его ужасна. Хозяин, Вышневолоцкий предводитель дворянства — Николай Милоков так и не дал вольную талантливому парню, хотя причина крылась вовсе не в подлом характере господина. Лидочка Милокова была влюблена в своего крепостного, и тот отвечал ей взаимностью. Папенька смекал, что имея художник в кармане отпусковую грамоту, барышня тут же ринется под венец. Просьбы Венецианова и Жуковского звучали, как глас вопиющего в пустыне. Существует легенда, что Сорока покончил с собой из-за этой несчастной любви. Реальность гораздо менее романтична: Сорока повесился уже после отмены крепостного права. Эти муки невозможно совместить с полупрозрачной прелестью его деревенских пейзажей!

Другой ученик Венецианова, Капитон Зеленцов, пришёл учиться к Венецианову, будучи тридцатилетним. До этого он рисовал лубки, иллюстрировал книги, писал портреты, но его работы несли на себе отпечаток дилетантизма. Венецианов обучил Зеленцова всему, что умел сам, и тот сделался бытописателем дворянской жизни и автором картин в жанре Zimmerbilder, что буквально означает "картины, образы комнат". Анфилады, кабинетики, диваны, рояли и комоды — главные герои, тогда как мужчины во фраках лишь фоновое приложение к шторам и колоннам.

ОТДЕЛЬНАЯ ТЕМА — дочери Венецианова, способные, хорошенские Фелицата и Сашенька. Их портреты представлены в одном из выставочных залов. Обе учились у отца, причём Александра подавала серьёзные надежды. К сожалению, девочки так и не смогли выработать свой почерк,

находясь под влиянием харизматичного папы. Схоронив его, Саша и Фелицата растерялись, не имея практически никаких средств к существованию. Более того — они так и не вышли замуж.

Гибель художника окружена легендами. Согласно официальной версии, то был несчастный случай на дороге. Дочь Александра описывала это так: "Кучер потерял силы удерживать лошадей, его первого сбросило на дорогу, и он, лёжа, видел, как повозку свалило на бок, и батюшка имел духу схватить вожжи, когда тройка неслась, потом сваливает батюшку не совсем на дорогу, но волоча его и ударяя обо что встречалось и, наконец, сбросив так, что он остался на дороге без дыхания". Это как сбивчивые показания, даваемые следователем.

Однако ходили упорные слухи, что художника забили крестьяне. Всего-навсего "церьле ля фам". Дворянка девица Елена Никитина, позировавшая Венецианову, стала его наложницей и уже примеривала на себя роль госпожи. Справедливости ради, это случилось уже после того, как барин овдовел. Фаворитка унижала прислугу, заносилась в общении со старостой и приказчиком, помыкала людьми. Возникает вопрос: почему в этом случае убили хозяина, а не виновницу его позориза? Отомстили старику за его мужскую слабость?

Как бы то ни было, Венецианов остался в памяти, как один из русских гениев. Он видел свет! "Венецианов не был только скромным начинателем — вещи, в которых он просто и целюю начинался, рисуют его нам как первоклассного мастера и необычайного человека, которым вполне должна гордиться Россия", — полагал Бенуа. И добавив-то нечего.

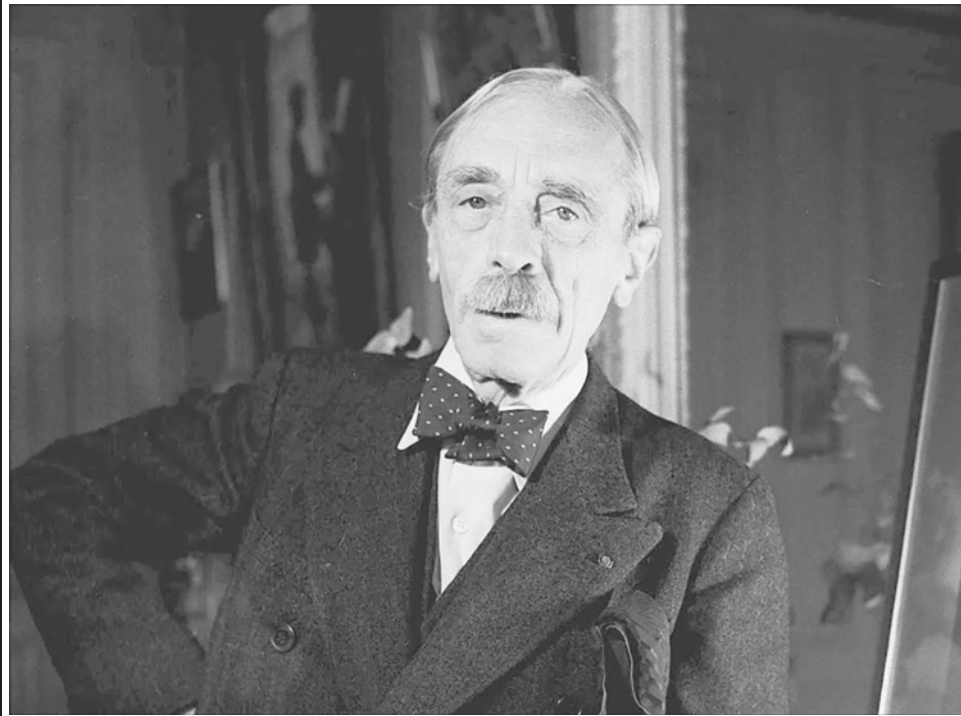
* азартная карточная игра из разряда банковых игр

Галина ИВАНКИНА

КАЗАЛОСЬ БЫ, случайный ракурс, миллионное внешнее сходство, ничего больше... Но факт остаётся фактом — молодой Амбруаз Поль Туссен Жюль Валери (30 октября 1871 — 20 июля 1945) удивительно похож на молодого Владимира Ильича Ульянова (Ленина): те же ранние зализаны, то же выражение лица, те же упрямо сжатые губы, тот же пронизывающий мир насковзё взгляд... Только вместо казнённого царём любимого старшего брата там отражается иное пережитое до глубины души внутреннее потрясение, которое нам условно известно как "шторм и бессонница в Гёнеу".

Подобного рода жизненные события сейчас снабжаются расхожей этикеткой типа "экзистенциальный кризис" и ставятся на дальнюю полку в биографии той или иной знаменитости, ведь "чужая душа — потёмки", кто знает, что он там при этом переживал, думал и чувствовал... Да и сами герои очень редко могут и ещё реже хотят рассказать здесь что-нибудь внятное — даже условные исключения из правила, как у Достоевского в "Идиоте", чрезвычайно редки. Ведь "самое личное в нас, самое драгоценное всегда для нас непостижимо..." Мир — тайна, которая сама себя хранит.

Ленина эта неизъяснимая тайна бытия толкнула в революцию, Валери... Хотелось бы сказать: "в поэзию", — но такое утверждение не просто было бы неверным, оно бы прямо противоречило истине. Даже не потому, что молодой, но уже достаточно известный и признанный в литературных кругах поэт постепенно прекратил публиковать и даже писать стихи (период его "великого молчания" занял почти двадцать лет, с 1898-го по 1917 годы), а потому что сделал

это сознательным усилием воли: "Нет ничего более бесплодного, чем плодоносить. Дерево не растёт, пока оно приносит плоды". Ленин занимался переустройством общества, Валери — своего "я", своего внутреннего мира. Причём происходило это одновременно и на одних и тех же принципах, которые без особого труда можно наблудить другой расхожей этикеткой — "диалектического материализма", с безграмотной, но обязательной сетью причинно-следственных взаимодействий, которая простирается — через человека — от микромира ("электрон так же неисчерпаем, как и атом") до Вселенной в целом. Время не течёт вспять. Даже боги не могут сделать бывшее не бывшим. Чудес не бывает. "Cogito ergo sum" ("мыслию, следовательно, существую") и "goseau pensant" ("мыслящий тростник") — две эти фразы связаны между собой феноменом мышления: "изнутри" у Мишеля Монтеня и "снаружи" у Блеза Паскаля.

"Я бесконечно больше хотел бы написать в совершенном сознании и с полной ясностью что-либо слабое, нежели быть обаянным милостями транса и потере самосознания каким-нибудь шедевром, хотя бы и лучшим из лучших..." — в этом своём

«ПОДНИМАЕТСЯ ВЕТЕР...»

К 150-летию Поля Валери

"В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор..." — как это волшебство может быть передано, может прозвучать по-китайски или по-французски, я, видит Бог, просто не знаю и в этой жизни узнать не сумею никогда. То же самое, видимо, справедливо и для поэзии Поля Валери, для её переводов на русский язык. Вот "зеркальное отражение":

"В рассветной тишине
протяжный скрип лопаты!..
Проснулся, а в окне — отбеленные скаты.
Спящий этот снег
как будто ждал меня..."

Если отвлечься от существования этой "зеркальной" мерности, будет непонятно, почему, за что автора таких "средних" стихов при жизни признавали лучшим поэтом Франции, осыпали всяческими званиями и почестями — мы ведь читаем не Валери, а его переводчиков. И, будь они даже гениальны (чего и в помине нет, во всяком случае, пока), это всё равно будет растение, заблудившееся пересаживаемое в ботанический сад, а не живущее в своих родных "джунглях", "морях", "пустынях" или "болотах".

То же "Кладбище у моря" ("Морское кладбище"), признанный шедевр поэзии Поля Валери, куда полнее раскрывается в прозаическом эссе Хорхе Луиса Борхеса, чем в известных вариантах стихотворных переводов на русский язык. Наверное, стоит процитировать отрывок из него: "Два слова о самой поэме. Аплодировать ей было бы странно, искать огрехи — неблагоприятно и неуместно. И всё же рискну отметить то, что, увы, приходится считать изъяном этого гигантского адаманта. Я имею в виду вторжение повествовательности. Лишние второстепенные детали: **хорошо поставленный ветер** (выделено мной. — В.В.), листья, которые мешают и шевелит как бы сам бег времени, обращение к волнам, пятнистые тиглены, книга — впадают совершенно не обязательно тут веру в происходящее". Это говорит испанский гений о гении французского. И говорит о блистательной фразе: "Поднимается ветер... Постараемся жить" — ставшей одним из "матричных ключей" современной культуры. Их языки, языки романской группы, достаточно близки между собой. Но Борхесу

"Мы надеемся приблизительно, зато боимся точно".

"Человек, который удаляется от мира, создаёт для себя возможность его понимания".

"Человек шире, чем его жизнь и поступки. Он как бы рассчитан на большее число вероятностей, чем может понадобиться".

И ещё одно, уже абсолютно личное, касание с афоризмом Поля Валери, перевод которого звучит так: "В будущем мы входим, оглядываясь на прошлое", — только с заменой "входим" на "идём". "Человечество движется в будущее спиной" — словно легендарный Персей к Медузе Горгоне. И рассматривает отражение этого ужасного, убивающего "глаза в глаза" лика в отполированном до зеркального блеска щите своей истории, своей культуры. Понимая, что каждый наш шаг, каждый миг будущего может, а какой-то из них — обязательно, окажется для нас последним"...

ВОЗВРАЩАЯСЯ к аналогии между Владимиром Лениным и Полем Валери, которая многим наверняка покажется надуманной и странной — да и все аналогии не абсолютны! — оба этих человека пережили своё "великое пробуждение", оба занимались тем, что считали самым важным и нужным для себя в мире и для мира в себе, оба — как бы случайно, в силу стечения почти бесконечного количества разных обстоятельств, от них даже не зависящих, — достигли того, что сами считали своим предназначением. Оба "постарались жить", наполнив свои крылья ветром своего времени.

Известный критик Михаил Наумович Эпштейн к нынешнему юбилею Поля Валери в статье для журнала "Сноб" и в предисловии к изданию "Поль Валери. Эстетическая бесконечность" написал, что "он превратился в рупор европейской интеллигенции, чтящей свои ценности и наследие и бросающей вызов варварству фашизма и коммунизма". Это, конечно, правда, только правда, ничего, кроме правды, но не вся. Потому что к варварству либерализма это тоже относится, но... молчок, молчок! А ведь тот же Ленин не случайно сказал, выступая на III съезде комсомола: "Настоящим коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатись своею памятью знанием всех тех богатств, которые выработало человечество", — и речь здесь шла вовсе не о sacramentalном "отнять и поделить", а как раз о том, чтобы "добавить и приумножить". В этом стремлении к творчеству и заключена истинная сущность человека, кто бы, когда, где и как ни пытался доказать обратное.

Владимир ВИННИКОВ

ДОРОГА К ПУШКИНУ

Открытое письмо
министру культуры

Любое место в России, связанное с Пушкинами, бесконечно дорого сердцу русского человека. Особенно если оно стало не только фактом пушкинской биографии, но и местом действия гениального произведения.

В трагедии "Борис Годунов" хозяйка трактира говорит: "Вот хоть отсюда свороти влево, да борю иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопину, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведёт до Лувёвых гор..."

Это Тверская земля, спяние Волги и Вазузы. Окрестности города Зубцова, Погорелое Городище. Вот уже пять лет здесь действует музей "Дорога к Пушкину", созданный благодаря самоотверженному труду Бориса Диодорова и его сподвижников...

Борис Аркадьевич Диодоров — Народный художник России, профессор, мастер офорта, книжный график, автор великолепных иллюстраций, педагог, вырастивший в Университете печати талантливых учеников.

В Погорелое Городище он попал вроде бы случайно. Пригласил как-то друг в гости... Но ведь случайность — это непознанная закономерность, не так ли? Теперь Борис Аркадьевич говорит, что то был промысел Божий. Потому что само название "дорога к Пушкину" пришло ему на ум гораздо раньше. Потому что выпал случай купить домик на берегу реки Дёржи... Потому что познакомился с человеком, изучавшим переписку Пушкина с Николаем Раевским... Потому, наконец, что в обиходе старого дивана при реставрации нашлось письмо этого пушкинского друга.

Всё это — цепь неспростных случайностей, которые он теперь называет чудесами. А ещё — подвижническая деятельность художника, продавшего свою мастерскую ради музея; лауреата президентской премии, которую он отдал музею, и много других славных дел.

Ему тяжело. В музей влюбляются все, кто его посещает, есть много добровольных помощников, но сейчас, когда над Россией ступили тучи морового поветрия (как в пушкинские времена), когда обмелел поток посетителей — музею нужна помощь.

И самое верное — помощь государства. Диодоров дарит музей России. Очень важно, чтобы Россия-матушка приняла этот подарок. Мы обращаемся к министру культуры РФ, готовы обратиться к президенту Путину, чтобы оформили, наконец, этот музей в качестве государственного учреждения с государственной же поддержкой.

Уважаемая Ольга Борисовна!

Пушкин — сокровенная частица нашей культуры, духовная сердцевина самосознания российского народа, одна из важнейших фигур в истории нашей Родины. Памятные места, связанные с ним и с его творчеством, имеют непреходящую ценность.

Пушкин трепетно относился к своим корням: он знал историю воеводы Гаврилы Пушкина, который во времена Смуты спалил пограничную с Литвой крепость, чтобы она не досталась завоевателям. Корча недалеко от Погорелого Городища служит местом действия одной из сцен трагедии "Борис Годунов". И пусть тверские призывные равнины не так приметны в биографии поэта, как Михайловское или Болдино, — эти места исконно пушкинские, они способствуют творчеству и будят фантазию.

Именно здесь и родилась идея создания культурного пространства и музея "Дорога к Пушкину". Вот уже больше пяти лет действует этот музей, собравший крупицы наследия пушкинского времени; сюда приезжают люди со всех концов нашей великой Родины, дышат целительным воздухом пушкинских мест, знакомятся с этими удивительными пейзажами, стремятся оказать помощь...

Нас поддерживают профессионалы: пушкинисты, архитекторы, писатели, историки. Помогают и другие неравнодушные люди, но их усилий недостаточно для поддержания полноценной работы музея и тем более для развития.

А теперь, когда из-за пандемии поток туристов сильно обмелел, над музеем и вовсе нависла угроза закрытия. Единственный выход — это придание ему статуса государственного. Разработанная концепция создания в Погорелом Городище полноценного современного музейно-выставочного и просветительского комплекса. Попечительский совет музея дарит его государству!

Просим Вас, уважаемая Ольга Борисовна, содействовать в придании музею "Дорога к Пушкину" в Погорелом Городище статуса государственного учреждения. Священная память Пушкина требует от нас решительных действий!

С уважением,

Борис ДИОДОРОВ
Народный художник РФ, профессор,
лауреат премии Президента России

Книга "Он жил во времена Советов. Памяти Владимира Бушина". Статьи, стихи, беседы. Справки по телефону 8 985 256 91 24